Литература, критика и искусство

СТАРАЯ ТЕТРАДЬ

РАЗЛУКА

Блѣдна приморская страна,
Луною озаренная.
Низка луна, ярка волна,
По гребнямъ позлащенная.

Волна дробится вдалекѣ
Чеканною кольчугою.
Морякъ печальный на пескѣ
Сидитъ съ своей подругою.

Часы, послѣдніе для нихъ! —
Все ярче дюны свѣтятся.
Они невѣста и женихъ,
А вновь когда-то встрѣтятся?

Полночная луна глядитъ
И думаетъ со скукою:
«Въ который разъ онъ тутъ сидитъ,
Цѣлуясь предъ разлукою?»

ЛЕНЪ

Присѣла на могильникѣ-Савурѣ
Старуха-Смерть, глядитъ на людный шляхъ.
Цвѣтущій ленъ полоскою лазури
Синѣетъ на поляхъ.
И говоритъ старуха-Смерть: «Здорово,
Прохожіе! Не надо ли кому
Льняного погребальнаго покрова?
Не дорого возьму».

И говоритъ Савуръ-курганъ: «Не каркай.
И саванъ — прахъ. И саванъ обреченъ
Истлѣть въ землѣ, чтобъ снова выросъ яркій
Небесно-синій ленъ».

Ив. Бунинъ.

И впрямь: идутъ, бѣгутъ вѣка,
Смѣняютъ поколѣнія —
Морякъ сидитъ! Въ глазахъ тоска,
Блаженное мученіе...

СБОРНИКЪ «ПОЭТИКА»

ПОЭТИКА. II. Сборникъ статей. Государственный Институтъ Исторіи Искусствъ. Петроградъ. 1927.)

Сборники "Поэтика", бывшіе когда-то первымъ органомъ нашихъ такъ называемыхъ формалистовъ, остались и теперь (возобновленные съ прошлаго года словесным отдѣломъ Института Исторіи Искусствъ) главнымъ оплотомъ "формальнаго метода" и питомникомъ его подрастающихъ адептовъ. Здѣсь не мѣсто останавливаться на томъ, въ какой мѣрѣ оправданы или нѣтъ теоріи формалистовъ и до какой степени невѣрно самое ихъ наименованіе. Но какъ разъ разсмотрѣніе сборника, въ которомъ участвуютъ они сами и ихъ ученики, можетъ показать намъ практически, на результатахъ и намѣреніяхъ отдѣльныхъ работъ, и преимущества примѣненнаго въ нихъ метода и его явные промахи и провалы.

Впрочемъ, не всѣ участники "Поэтики" принадлежатъ къ формалистамъ или къ ихъ ученикамъ. В. М. Жирмунскій, напримѣръ, не разъ отмежевывался отъ нихъ и не разъ полемизировалъ съ ними. Но какъ разъ его открывающая сборникъ статья отличается чисто освѣдомительнымъ характеромъ. "Новѣйшія теченія историко-литературной мысли въ Германіи» излагаются въ ней «строго объективно", своихъ предпочтеній и оцѣнокъ авторъ не высказываетъ нигдѣ. Почти то же можно сказать о статьѣ Б. Ларина, тоже не вполнѣ примыкающаго къ "формальной школѣ". Она посвящена "Ученію о символѣ въ индійской поэтикѣ" и сообщаетъ интересный матеріалъ, комментируя его не слишкомъ пристально, а иногда и не совсѣмъ понятно.

Зато четыре остальныхъ статьи болѣе показательны для взглядовъ своихъ авторовъ и онѣ всѣ принадлежатъ или заслуженнымъ представителямъ формализма, какъ Б. Томашевскій, или ученымъ, примкнувшимъ къ нему менѣе давно, какъ К. Шимкевичъ, или, наконецъ, болѣе или менѣе юнымъ ученикамъ, какъ Л. Гинзбургъ и А. Федоровъ. Интереснѣе всего, что первыя двѣ изъ нихъ представляютъ собой какъ бы въ чистомъ видѣ его добро и зло. Насколько статья Томашевскаго о "Французской мелодрамѣ начала XIX вѣка" отчетлива, интересна и ведетъ къ опредѣленнымъ выводамъ, настолько же разсужденія Шимкевича о "Роли уподобленія въ строеніи лирической темы" расплывчаты, плохо формулированы и, въ сущности, безпредметны. Объясняется это, быть можетъ, не только разницей въ дарованіяхъ обоихъ авторовъ, но и задачами, которыя они поставили себѣ. Теоріи формализма весьма полезны для нѣкоторыхъ спеціальныхъ историко-литературныхъ изысканій; онѣ показываютъ свою несостоятельность, какъ только въ своемъ примѣненіи касаются сколько-нибудь общихъ эстетическихъ и критическихъ темъ. Шимкевичъ въ анализѣ стихотвореній, который и составляетъ главный предметъ его статьи, постоянно забываетъ о главномъ: объ общемъ смыслѣ и замыслѣ стихотворенія ради мелочныхъ наблюденій, сомнительныхъ уже въ своей исходной точкѣ зрѣнія и окончательно непримѣнимыхъ къ тѣмъ выводамъ, для которыхъ они только и должны существовать. Этого не скажешь о статьѣ Томашевскаго, задача которой формулирована точно и въ своемъ частномъ значеніи до конца разрѣшена. Роль французской мелодрамы конца XVIII и начала XIX вѣка для отдѣльныхъ пріемовъ и общей техники романтическаго театра имъ дѣйствительно выяснена. Спорны только тѣ немногія строки, гдѣ авторъ утверждаетъ, что для романтиковъ былъ важнѣе примѣръ мелодрамы, имъ современной, чѣмъ англійскаго или испанскаго театра, столь отдаленнаго отъ нихъ. Надо отличать главный толчекъ, общее побужденіе отъ тѣхъ или иныхъ пріемовъ, благодаря которымъ ихъ стало возможнымъ осуществить. Тогда мы не будемъ смѣшивать то, что получали отъ Шекспира съ тѣмъ, чему научились отъ народныхъ спектаклей, феерій и мелодрамъ.

Что же касается двухъ еще немного ученическихъ статей г-жи Гинзбургъ и А. Федорова, то первая недостаточно ясно представляетъ намъ задачи своего изслѣдованія, а потому оказывается вовсе неотчетливой въ его выводахъ. Озаглавлено оно "Изъ литературной исторіи Бенедиктова", но благодаря увлеченію нѣкоторыми внѣшними пріемами работы, мы не находимъ въ немъ ни живого отношенія къ литератору, о которомъ оно трактуетъ, ни живой характеристики его литературной судьбы. Интереснѣе другая статья, гдѣ А. Федоровъ говоритъ, не безъ проницательности иногда, о "Проблемѣ стихотворнаго перевода". Напрасно только онъ цитируетъ, какъ образцы переводовъ изъ Гейне неизданные опыты своего учителя Ю. Тынянова. Они педантически бездарны (напр., у Гейне: Hoch aus dem blauen Himmelszelt; у Тынянова: «Высоко съ синяго небо-шатра») и не заслуживаютъ бережнаго истолкованія, которому ихъ подвергаетъ почтительный ученикъ.

Н. Дашковъ

Къ розыгрышу картины худ. Ф. И. Малявина

Слѣдующимъ лицамъ, приславшимъ деньги на покупку для нихъ билетовъ, таковые посланы по почтѣ:

Г-жѣ Брянчаниновой: №№ 228 и 256

Г-ну Геельшуйденъ: №№ 241, 242, 243 и 244.

Даже въ случаѣ утери этихъ билетовъ при пересылкѣ, право на нихъ остается за купившими, согласно выше объявленнаго.

Билеты продаются въ «Возрожденіи» (деньги можно присылать по почтѣ), а также въ книжныхъ магазинахъ «Москва», Поволоцкаго и Сіяльской.

Осталось только два дня!

до розыгрыша картины Ф. И. Малявина въ пользу безработныхъ. За 10 фр. Вамъ можетъ достаться картина извѣстнаго художника оцѣниваемая въ нѣсколько тысячъ франковъ.

РОЛЬ РОССІИ ВЪ НОВѢЙШИХЪ СУДЬБАХЪ ЧЕХОСЛОВАКІИ

ВЛ. ЛАЗАРЕВСКІЙ. Россія и чехословацкое возрожденіе. Кн-во «Градъ Китежъ». 1927 г.

Содержаніе своей интересной книги авторъ опредѣляетъ такъ:

«Полемика не является задачей этой книги. Цѣль ея лишь въ томъ, — чтобы дать очеркъ чешско-русскихъ отношеній во время Великой войны, т. е. въ томъ историческомъ отрѣзкѣ, который предшествовалъ для Россіи, большевицкой ночи, для Чехіи, зарѣ освобожденія».

Руководящее положеніе въ направленіи чешской политики за указанный промежутокъ времени перешло въ руки проф. Масарика, будущаго перваго президента чехословацкой республики. Понятно, почему г. Лазаревскій удѣляетъ такое большое мѣсто ему въ своей книгѣ. Понятно, почему г. Лазаревскій, какъ націоналистъ, не можетъ обойти безъ ухоризны нѣкоторыхъ политическихъ шаговъ и заявленій Масарика. В. В. Шульгинъ въ предисловіи къ книгѣ справедливо отмѣчаетъ, что первому президенту чешской Республики «трагически мѣшаютъ литературные грѣхи проф. Масарика». Но постольку, поскольку заявленія проф. Масарика изъ области литературы переходятъ въ область прикладной политики, они становятся дѣйствіями, которыя каждому русскому дозволено распѣнивать съ точки зрѣнія пользы русскаго дѣла.

Въ этихъ крутыхъ метаморфозахъ чешскаго вождя конечно, прежде всего сказываются нащупыванія, приспособленія большого реалиста, какимъ рисуется намъ Масарикъ, призванный къ созданію новаго государства въ трудныхъ условіяхъ безпрестанно мѣняющейся современности. Весь вопросъ въ томъ, насколько цѣль не была бы достигнута безъ этихъ повседневныхъ отреченій и перемѣнъ. Вопросъ и въ томъ, насколько дальновиденъ былъ чешскій вождь, когда онъ видѣлъ предъ собой только Ленина и отстранялся отъ Корнилова.

Въ книгѣ разсѣяно много любопытныхъ справокъ, которыя приведены въ книгѣ не для того конечно, чтобы ихъ когда нибудь со зломъ вспомнить. Какъ бы ни была значительна фигура престарѣлаго чешскаго вождя, не на старыхъ счетахъ съ памятью о немъ будетъ строиться будущее отношеній его отечества и Россіи.

Въ 1915 году Масарикъ подаетъ лорду Грею меморандумъ съ указаніемъ, что «громадное большинство чешскаго народа настроено въ пользу конституціонной монархіи съ великимъ русскимъ княземъ во главѣ». Въ 1916 году Масарикъ подаетъ меморандумъ французскому правительству съ заявленіемъ о невыгодѣ для республиканской Франціи предоставить монархической Россіи рѣшительное слово въ дѣлахъ, связанныхъ съ созданіемъ чехословацкаго государства. Послѣ большевицкаго переворота Масарикъ рекомендуетъ союзнымъ правительствамъ заключить соглашеніе съ большевиками.

Книга г. Лазаревскаго немилостива къ Масарику. Авторъ однако неголословенъ: каждое положеніе подтверждено текстами...

Масарикъ всю жизнь «стремился содѣйствовать» русской революціи. Онъ ее привѣтствуетъ, потомъ разочаровывается въ творческой способности русской демократіи. Онъ ненавидѣлъ всегда «царизмъ». По этому какъ только онъ убѣдился, что революція не удалась, онъ и въ этой неудачѣ обвиняетъ царизмъ.. Онъ находилъ возможнымъ сопоставлять Императора Николая II и Ленина, отдавать предпочтеніе Ленину. Признавалъ въ большевизмѣ моральное разращеніе и въ то же время находилъ, что «большевизмъ пробудилъ чувство свободы»... И, наконецъ, пріялъ «принципъ невмѣшательства». Это означало признаніе большевиковъ, какъ русской власти. Онъ отвергъ предложеніе Корнилова и др. выступить противъ большевиковъ. Къ бѣлому дѣлу относился враждебно (замѣчаніе Масарика про Савинкова: «онъ служилъ даже Колчаку»).

Между тѣмъ своевременное и энергичное выступленіе чехословацкихъ дружинъ противъ большевиковъ (по удостовѣренію ихъ собственныхъ военспецовъ) могло «оказать ся роковымъ для самого существованія совѣтской власти».» Совѣтофильская политика Масарика шла вразрѣзъ и съ настроеніями чешскаго войска, которое ставилось даже передъ директивами Національнаго совѣта о выдачѣ большевикамъ оружія, что было въ то время равносильно гибели чешской арміи!...

Ясно, легко и искренно написанная книга г. Лазаревскаго заключаетъ въ себѣ обильныя документальныя свѣдѣнія по исторіи формированія въ Россіи чехословацкаго войска. Фактъ довольно рѣдкостный въ исторіи. На чужой землѣ была образована армія несуществующаго еще государства. И этимъ оно обязано исключительно столь ненавистной Масарику старой русской государственной власти и русскимъ чехамъ, сорганизовавшимся въ «Союзъ чехословацкихъ» обществъ» въ Россіи. И не будетъ натяжкой утвержденіе, что образованіе арміи предрѣшило образованіе Чехословацкаго государства.

Книга г. Лазаревскаго — цѣнный вкладъ въ нашу бѣдную книгами политическую литературу послѣ-военнаго времени. Пособія отсутствуютъ, а газетные комплекты недоступны. Теперь цѣнны именно такія книги, которыя служатъ, какъ для фактическихъ справокъ, такъ и для уясненія хода событій весьма важныхъ въ исторіи славянства.

Часть чешской печати встрѣтила съ большимъ сочувствіемъ книгу г. Лазаревскаго. Появленіе ея горячо отмѣчено въ мѣстной печати (журналъ «Фронтъ» газ.«Нар. Листы» и др.) и вскорѣ послѣ своего появленія переведена на чешскій языкъ.

Н. Ч.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ЦЕРКОВНЫЙ ОРГАНЪ

ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЕПАРХІИ

Парижъ, 1927 г. Стр. 24. Цѣна 3 фр.

Наконецъ западно - европейская русская православная паства дождалась печатнаго органа, посвященнаго ея духовнымъ нуждамъ и запросамъ. До сей поры зарубежная церковная печать представляла собою печальное явленіе. Въ Сербіи уже болѣе 5 лѣтъ издаются «Церковныя Вѣдомости» Архіерейскаго Синода. Въ нихъ въ свое время въ официальной части печатались различныя грамоты и посланія, свидѣтельствовавшія о связи Русской церкви за рубежомъ съ Восточными и законно-автокефальными церквами, а также отчеты объ имѣвшихъ мѣсто Архіерейскихъ соборахъ и постановленія Архіерейскаго Синода. Здѣсь же были перепечатаны всѣ основныя постановленія Всероссійскаго Помѣстнаго Собора 1917-18 гг. и большинство Патріаршихъ указовъ. Въ неофиціальной же части помѣщались интересныя и свѣжія вѣсти о жизни Русской церкви на родинѣ; время отъ времени появлялись содержательныя статьи митр. Антонія, архіеп. Иннокентія, профессоровъ Глубоковскаго и Троицкаго.

Въ послѣднее время этотъ журналъ къ глубокому сожалѣнію, въ своей полемикѣ допускаетъ непростительно грубый тонъ и тенденціозно освѣщаетъ современныя церковныя событія.

Конечно, были и есть и другіе церковные органы, обслуживающіе мѣстные интересы. Такъ, на Дальнемъ Востокѣ издаются два еженедѣльника «Путь Христовъ» и «Хлѣбъ Небесный». Они скромно дѣлаютъ свое большое и насущное дѣло. Въ Америкѣ и Канадѣ также существуютъ мѣстные епархіальные органы.

Болѣе богаты содержаніемъ органы самочинныхъ автокефалистовъ: въ Польшѣ «Воскресное Чтеніе» и въ Финляндіи «Утренняя Заря». Но эти журналы наряду съ полезною работою христіанскаго просвѣщенія дѣлаютъ недоброе дѣло борьбы съ Русской Патріаршей Церковью.

Къ церковной печати, конечно, слѣдуетъ причислить и ежемѣсячникъ церковной молодежи «Вѣстникъ Русскаго Христіанскаго Студенческаго Движенія», журналъ очень содержательный и весьма интересный для широкихъ круговъ православнаго народа (о чемъ мы писали особо). Наконецъ, изрѣдка выходитъ въ свѣтъ журналъ «Русскій Пастырь» под. ред. прот. С. Четверикова.

Вотъ, кажется, и вся зарубежная церковная печать. Тѣмъ отраднѣе отмѣтить появленіе новаго журнала, обѣщающаго быть весьма содержательнымъ и, главное, чисто церковнымъ, чѣмъ перестаютъ быть «Церковныя Вѣдомости» и въ силу своей позиціи и по своему нецерковному грубому языку.

Первый номеръ «Церковнаго Вѣстника» открывается вступительнымъ словомъ Владыки Митрополита. «Необходимо вообще, а въ эту смутную годину въ особенности, чтобы епархія имѣла свой органъ, гдѣ бы раздавался ея голосъ спокойный и правдивый, уясняющій истину нашихъ вѣрованій и упованій, обличающій неправду церковную, ограждающій отъ всякой клеветы — говоритъ митрополитъ. Мы не хотимъ ничего новаго. Мы стремимся и напрягаемъ всѣ усилія, чтобы сохранить на чужбинѣ завѣщанное намъ великое сокровище святой православной вѣры. Мы всемѣрно свято оберегаемъ свое нерасторжимое единство съ нашей Матерью, многострадальною Русскою Церковью, украшенною сонмомъ современныхъ мучениковъ и исповѣдниковъ. Мы хотимъ оставаться до конца вѣрными не на словахъ только, а и на дѣлѣ завѣтамъ Отца нашего Св. Патріарха Тихона, исповѣдника, до смерти крѣпко стоявшаго на защитѣ чистоты свободы и независимости Церкви. Мы будемъ послушными исполнителями воли его законныхъ правопріемниковъ».

Далѣе Владыка говоритъ о задачахъ «Церковнаго Вѣстника»: «Нашъ маленькій органъ будетъ служить уясненію и раскрытію этихъ началъ, способствовать ихъ уразумѣнію, а черезъ это — и проведенію въ жизнь». Съ другой стороны — «запечатлѣть въ словѣ эту любопытную страницу зарубежной церковной жизни (именно работу отдѣльныхъ приходовъ), привлечь къ ней общественное вниманіе, способствовать лучшей, наиболѣе цѣлесообразной организаціи ея — это вторая, не менѣе важная, задача нашего органа».

Официальная часть перваго номера состоитъ изъ различныхъ посланій главъ Восточныхъ и другихъ автокефальныхъ церквей по поводу русскихъ зарубежныхъ церковныхъ событій и изъ списка церквей и духовенства западно-европейской епархіи.

Неофиціальная часть посвящена преимущественно предстоявшему (а нынѣ уже состоявшемуся) епархіальному съѣзду. Здѣсь напечатана статья В. Н. Ильина «Церковная смута и обвиненіе въ еретическомъ модернизмѣ». Это — по тону мѣстами можетъ быть слишкомъ рѣзкій но правдивый отвѣтъ на посланіе Карловацкихъ Архіереевъ, въ которомъ послѣдніе обвиняютъ митрополита Евлогія въ покровительствѣ модернизму и ересямъ нѣкоторыхъ профессоровъ Богословскаго Института, разумѣя подъ ними А. В. Карташева и прот. С. Булгакова. В. Н. Ильинъ прежде всего выясняетъ подлинный смыслъ терминовъ «модернизмъ» и «ересь», въ употребленіи которыхъ авторы посланія, повидимому, не отдаютъ себѣ яснаго отчета. Затѣмъ авторъ на основаніи подлинныхъ, не вырванныхъ изъ контекста, словъ Карташева и прот. Булгакова толково и ясно показываетъ, насколько голословны и неправдивы обвиненія, выдвинутыя въ этомъ посланіи.

Надѣемся что православный народъ поддержитъ доброе начинаніе и тѣмъ дастъ возможность журналу не только не угаснуть, но развернуться и окрѣпнуть.

Константинъ Струве

„Русская школа за рубежомъ"

Въ Прагѣ вышла 24 книга самаго солиднаго русскаго педагогическаго журнала на чужбинѣ. Содержаніе интересно и разнообразно: двѣ статьи по поводу столѣтія со дня смерти 1. Г. Песталоцци (проф. Гессена и пр. Бовэ), изслѣдованіе Ганца о «Школьной системѣ Александра 1», очеркъ Тыминскаго о «Русской школѣ въ Литвѣ». Какъ всегда хороши отдѣлы совѣтской и зарубежной хроники. Необходимо отдѣльно упомянуть посвященную жгучему вопросу борьбы съ дѣтской безпризорностью въ совѣтской Россіи, статью проф. А. В. Маклецова. Ее долженъ прочесть всякій, кто хочетъ дѣйствительно знать положеніе молодежи подъ игомъ коммунистовъ. Статья насыщена фактами, сжато, но выпукло рисующими тотъ страшный тупикъ, въ который коммунисты загнали несчастныхъ дѣтей и подростковъ. Нельзя безъ душевнаго трепета читать о гибели сотенъ тысячъ молодыхъ жизней, принесенныхъ теперешними властителями Россіи въ жертву на алтарь «коммунизма-ленинизма».

К сожалѣнію, приходится констатировать, что журналъ почему то не выполняетъ имъ же поставленной себѣ задачи: **освѣщать жизнь русской школы въ эмиграціи.** Маленькая замѣтка г. Дехтерева: «Новое въ отношеніяхъ семьи и школы въ русской эмиграціи», посвященная интереснымъ матеріаламъ изъ жизни Шуменской гимназіи въ Болгаріи, — не можетъ заполнить досаднаго пробѣла журнала.

В. Л.

Памяти поэта-воина

НЕКРОЛОГЪ

12 іюля, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался въ Гельсингфорсѣ молодой поэтъ и бѣлый воинъ Иванъ Савинъ. Имя его все чаще и чаще появлялось послѣднее время въ эмигрантской печати.

Незаурядный, самобытный талантъ его развивался быстро, даже въ условіяхъ суровой бѣженской жизни. Несмотря на совершенно разстроенное въ красныхъ застѣнкахъ здоровье, Иванъ Савинъ сотрудничалъ въ нѣсколькихъ противобольшевицкихъ газетахъ, создалъ и велъ нѣкоторое время выходившій въ Финляндіи журналъ молодежи: «Дни Нашей Жизни», успѣлъ выпустить сборникъ своихъ лучшихъ стиховъ «Ладонка», написалъ немало стиховъ, разсказовъ и статей по политическимъ и общественнымъ вопросамъ.

Ивану Савину не было еще и двадцати лѣтъ, когда онъ пережилъ трагизмъ первыхъ лѣтъ революціи, гражданскую войну и кошмарный плѣнъ у красныхъ послѣ паденія Крыма... Страшные годы крови и огня наложили неизгладимую печать на чуткую душу юнаго поэта и ярко отразились въ его творчествѣ.

Творчество Савина, какъ и его личная жизнь были отданы служенію Родинѣ. Ей онъ посвятилъ себя цѣликомъ, какъ воинъ и поэтъ.

Ей онъ пѣлъ свои пѣвучіе грустные стихи отъ южныхъ весеннихъ походовъ и боевъ Сѣверной Тавріи до послѣдняго вздоха на скалахъ далекой Финляндіи. Восемнадцатилѣтнимъ юношей пошелъ Иванъ Савинъ въ добровольческую кавалерію арміи ген. Деникина и продѣлалъ всю геройскую эпопею Сѣверной Тавріи въ рядахъ Бѣлгородскихъ уланъ.

Геройскіе бои конницы ген. Врангеля въ Тавріи, во время которыхъ Иванъ Савинъ потерялъ своего послѣдняго, любимаго брата, нашли яркое, живое отраженіе въ его стихахъ:

«Звѣнули орудія, руша
Мосты трехдюймовымъ огнемъ.
Я крикнулъ товарищу: «Слушай,
Давай за Россію умремъ».» —
Въ сѣдлѣ поднимаясь, какъ знамя,
Онъ просто отвѣтилъ: «Умру...»
Лилось пулеметное пламя,
Посвистывая на вѣтру».

Гибель почти всей семьи, лишенія походовъ, трагедія Новороссійска, смерть любимаго брата — ничто не сломило его добровольческаго порыва:

«Я только подумалъ, я только
Заплакалъ отъ мысли: «Москва».

Но кончилась сказка весенняго Крымскаго Похода, промелькнула кровавая страда лѣтнихъ боевъ и когда завыли степныя мятели, юноша-уланъ Ив. Савинъ остался больной тифомъ на запасныхъ путяхъ Джанкойскаго узла, остался вмѣстѣ съ тысячами другихъ на растерзаніе и пытки красныхъ палачей.

Этотъ періодъ новыхъ жуткихъ мукъ искалѣчилъ на всю жизнь душу и тѣло винъ поэта, приведя его къ преждевременной могилѣ...

Глумленіе и издѣвательства, побои, переходы по снѣжной степи безъ сапогъ въ рваной одеждѣ, Христа ради у мелитопольскихъ жителей за корку хлѣба, кочеваніе изъ «Чека» въ «Чеку», весь пережитый кошмаръ вложилъ потомъ Ив. Савинъ въ жуткія, грозно-реальныя строки:

«Всю ночь не спалъ ты. Дрожь разсвѣта
Вошла въ подвалъ, какъ злая гарь
Костровъ невѣдомыхъ и гдѣ-то
Зажгли невѣдомый фонарь,
Когда случайный братъ по смерти,
Сказалъ ты тихо у окна:
«За мной пришли. Вотъ здѣсь въ конвертѣ,
Мой крестъ и арестъ, гдѣ жена.
Отдайте ей. Боюсь, что съ грязью
Смѣшаютъ Господа они...»
И далъ мнѣ крестъ съ славянской вязью,
На немъ — «Спаси и сохрани...»

Дикіе кошмары пережитого въ Крыму надломили юную душу:

«Кто укралъ мою молодость, даже
Не оставивъ слѣдовъ у дверей»....

жалуется поэтъ и обращаетъ свой взоръ въ высшее, неземное:

«Отвори хоть намъ, кто молодъ,
Отвори
Бѣлый входъ, въ поляны рая
Бѣлый входъ...
Посмотри — душа сѣдая
Въ двадцать три...»

Стихи Ив. Савина о массовомъ разстрѣлѣ, во время котораго погибли его братья Михаилъ и Павелъ, прямо физически больно читать:

«И старый прапорщикъ во френчѣ рваномъ,
Съ чернильной звѣздочкой на сломанномъ плечѣ
Вдругъ началъ пѣть — и эти бредовыя
Мольбы бросалъ свинцовой, брызжущей струей:
Всѣхъ убіенныхъ помяни, Россія,
Егда пріидеши во царствіе Твое...»

Почти два года въ рукахъ палачей, опасность моментальнаго разстрѣла за малѣйшій намекъ на прошлое «Врангеля» и наконецъ, спасеніе и счастливое бѣгство въ Финляндію. Здѣсь, несмотря на болѣзнь и усталость, Ив. Савинъ, работая на фабрикѣ, берется съ большой энергіей за литературную противобольшевицкую работу, ибо онъ, хотя и потерялъ здоровье и молодость тамъ за красной чертой, но свято вѣритъ въ Россію и въ то,

«Что за нами, крестящими словомъ,
Будетъ воинъ, крестящій мечомъ...»

Онъ становится однимъ изъ тѣхъ немногихъ «Господомъ поставленныхъ въ дозорѣ», кто продолжаетъ, несмотря на оглушительные побѣды интернаціонала, звать къ Родинѣ, томящейся въ застѣнкахъ, звать «живыхъ и гордыхъ — на борьбу...

Вѣра въ Божій гнѣвъ, въ высшую правду, въ справедливое возмездіе не оставляетъ поэта:

«И гнѣвъ Твой, клокочуще-знойный
На трупные души пролей!
Такіе враги — недостойны
Ни нашей любви, ни Твоей...

Здоровье Ивана Савина ухудшалось, но вѣра въ свѣтлое будущее Родины и народа поддерживала его силы, окрыляли его творчество:

«Ты ли, Русь безсмертная, мертва?
Намъ ли сгинуть въ чужеземномъ морѣ!?

Въ началѣ іюля наступило рѣзкое ухудшеніе его здоровья, за нѣсколько дней до смерти онъ еще говорилъ близкимъ: «А что если я не могу быть больше въ строю въ случаѣ начала бѣлаго движенія?!»

Въ 5 ч. 20 мин. веч. 12 сего іюля Иванъ Савинъ отошелъ отъ земной печали.

Его же стихомъ хочется сказать о немъ:

«Спи бѣлымъ сномъ! Твой крестикъ тѣльный
До бѣлой тризны сберегу...»

До «бѣлой тризны», которой такъ ждалъ, о которой пѣлъ и молился юный поэтъ и... не дождался...

Но вѣдь поэтъ и пророкъ одно и «бѣлая тризна»...

«Да пріидетъ!... Высокія плечи
Преклоняя на бѣломъ лугу,
Я походныя пѣсни, какъ свѣчи,
Передъ ликомъ Россіи зажгу...»

Викторъ Ларіоновъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Издательство "Аетосъ" (Парижъ) выпускаетъ въ ближайшемъ времени на французскомъ языкѣ книги: "Голубые города" Алексѣя Толстого, "Бѣгствующій Островъ" Всев. Иванова, "Правонарушители» Сейфуллиной и сборникъ, въ который войдутъ разсказы А. Яковлева, П. Романова, Невѣрова и др.

⁂

Новый романъ И. Эренбурга "Въ Проточномъ переулкѣ" вышелъ въ Парижѣ. По этому поводу "Послѣднія Новости" пишутъ: «Почему не въ Россіи? Очвидно, потому, что въ Россіи Илья Эренбургъ не въ фаворѣ у казенныхъ издательствъ... Непризнанный здѣсь и отвергнутый тамъ, Эренбургъ" т. д.

Въ дѣйствительности, все это не столь трогательно. Какъ извѣстно, между СССР и европейскими государствами не существуетъ литературной конвенціи. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ изъ весьма достовѣрныхъ источникомъ, романъ г. Эренбурга отпечатанъ въ Парижѣ въ количествѣ одной тысячи экземпляровъ для того, чтобы закрѣпить за авторомъ право изданія на иностранныхъ языкахъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ, книга будетъ издана въ СССР. Такъ было и съ прежними произведеніями И. Эренбурга: "Хуліо Хуренито", "Трестъ Д. Е.", "13 трубокъ", "Рвачъ": изданныя за-границей, они вслѣдъ затѣмъ переиздавались въ СССР.

⁂

Сов. журналы сообщаютъ о скоромъ выходѣ въ свѣтъ новой книги "Совѣтскій Петрушка". Книга эта "знакомитъ съ характеромъ, содержаніемъ и техникой игры совѣтскаго Петрушки и его ролью въ городской и деревенской культурной работѣ" (sic!).

⁂

Въ "Универсальной библіотекѣ" Госиздата выходятъ избранные стихи наиболѣе популярныхъ сов. поэтовъ: А. Жарова, Н. Асѣева, И. Уткина, В Кадина и В. Инберъ. Тамъ же выходятъ и повѣсти Н. Тихонова Ю. Тынянова и др.

⁂

Въ послѣднее время Госиздатъ усиленно перепечатываетъ книги эмигрантскихъ писателей. "Сны Чанга" И. А. Бунина, его же "Дѣло корнета Елагина", "Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ" А. И. Куприна вышли въ огромномъ количествѣ экземпляровъ.

⁂

Историкъ С. Штрайхъ выпускаетъ новую работу: "Декабристъ И. И. Пущинъ о Пушкинѣ". Книга посвящена вопросу о юношескихъ годахъ Пушкина и связи Пушкина съ декабристами".

⁂

Въ Москвѣ выходитъ сборникъ "Пролетарскіе писатели Запада", подъ редакціей В. М. Фриче.

⁂

П. Е. Щеголевъ выпускаетъ книгу: "Секретные сотрудники и провокаторы въ признаніяхъ и воспоминаніяхъ"

⁂

Вышла «Теорія романа» Б. А. Грифцова. Книга жива, ярка иногда парадоксальна, но заглавіе ея выбрано неудачно: «теорія романа» Грифцовъ не даетъ никакой, а предлагаетъ читателъ рядъ своеобразныхъ сужденій (въ частности о романѣ французскомъ).

⁂

Въ Россіи сейчасъ выходитъ большое количество дѣтскихъ книгъ. Ихъ пишутъ не только писатели для дѣтей, но также и поэты. Такъ, на ряду съ книгами А. Кожевникова «Шпана», «Вокзальники», «Самъ себѣ делегатъ», «Эй, сказка, на піонерскій судъ!» и книгами Льва Гумилевскаго, вышли разсказы Н. Тихонова «Военные кони», повѣсть Д. Альтаузена и др. Для школъ переизданы нѣкоторыя вещи Шиллера и Шекспира. О Шекспирѣ сов. критика пишетъ: «Въ «Венеціанскомъ купцѣ» впервые въ міровой литературѣ отображена эпоха воцаренія торговаго капитала. Данъ образъ купца — владѣтеля денежныхъ сокровищъ, который стремится развернуть свои силы. Въ лицѣ ростовщика-еврея Шейлока, Шекспиромъ впервые выдвинута проблема антисемитизма».

Отъ справочно-библіографическаго отдѣла книжнаго маг. Я. Поволоцкій и Ком. въ Парижѣ поступили въ редакцію газ. «Возрожденія» слѣдующія книги:

В. Л. ПЕРОВСКІЙ. Воспоминанія о сестрѣ. 1827.

Н. П. БРЮХАНОВЪ. Бюджетъ, финансы, хозяйство СССР, въ 1926-27 г.

АВДОТЬЯ ПАНАЕВА. Воспоминанія. 1824-1870. Исправленное изданіе подъ ред. К. Чуковскаго. 1927.

вати, одинъ. Все тихо. Только вѣтеръ воетъ въ окна, да дождь шелеститъ со всѣхъ сторонъ. Лежу и думаю, думаю... Обо всемъ, — и что правда, и что мнѣ дѣлать, и что ѣсть. Вѣдь и это вопросъ, хотя и не возвышенный, но очень жгучій. Голова мутится. Беру Евангеліе, развертываю: глядь, прямо отвѣтъ на мысль. Но отвѣтъ неудобный. Думаешь: да какъ же — вѣдь вотъ какія возраженія противъ этого. Откроешь — снова отвѣтъ и такъ дальше. Ну, иной разъ прямо таки разговоръ долгій, серьезный. Я съ себя говорилъ, Евангеліе отъ себя».

Въ одну изъ такихъ минутъ мистическаго состоянія Тихомірову попался такой отвѣтъ: «И избавилъ его отъ всѣхъ скорбей его и даровалъ мудрость ему и благоволеніе Царя Египетскаго Фараона» и т. д. (Дѣянія 7-10), Этотъ отвѣтъ уверно попадался ему на глаза, и онъ началъ постепенно настойчиво задумываться: о комъ же идетъ рѣчь?» Сначала онъ думалъ «не Клемансо ли?», который относился къ нему благожелательно. Думалъ въ переносномъ смыслѣ и о разныхъ другихъ выдающихся лицахъ, съ нимъ сталкивающихся: «не мой ли это царь египетскій?» Наконецъ, у него мелькнуло въ мозгу: «Да не Государь ли его? Не на Россію ли ему Богъ указываетъ?»

Такъ родилась мысль о возвращеніи на родину, объ обращеніи къ Государю съ ходатайствомъ о прощеніи.

Тихоміровъ вошелъ въ связь съ представителями власти въ Парижѣ. Его знаменитая брошюра была уже опубликована, и его встрѣтили сочувственно. Онъ написалъ прошеніе Государю, написалъ письмо Плеве, написалъ письмо Дурново. Всѣ эти письма воспроизведены въ составѣ его записей. Когда получено было прощеніе, онъ двинулся въ Россію, а за нимъ и его жена съ сыномъ. Вначалѣ онъ поселился въ Новороссійскѣ, а затѣмъ ему было разрѣшено переѣхать въ Москву. Постепенно онъ становится близкимъ сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и однимъ изъ главныхъ выразителей русскихъ охранительныхъ направленій.

Жизнь его очень трудна и въ Россіи, и часто уныніе охватываетъ его и тутъ. Не только ему трудно матеріально, но не чувствуется въ его записяхъ ни душевнаго спокойствія, ни внутренняго удовлетворенія. Большимъ ударомъ была для него смерть Константина Леонтьева, на общеніе съ которымъ онъ очень расчитывалъ и отъ котораго онъ многому хотѣлъ научиться. Познакомился онъ и съ Побѣдоносцевымъ, но, какъ извѣстно, этотъ сухой и безнадежный пессимистъ не могъ никому дать утѣшенія. Въ одномъ отрывкѣ дневника Тихомірова чувствуется величайшая горечь по поводу того, какъ Побѣдоносцевъ отнесся къ той полемикѣ, которая возникла по поводу статей Тихомірова о духовенствѣ и обществѣ. Въ Побѣдоносцева это было «дѣло конченное», о которомъ потолковали, а теперь лучше всего молчать.

Лозунгъ «молчать» въ такой мѣрѣ опредѣлялъ политику правительства того времени, что даже «Московскія Вѣдомости» получили примѣрно въ это время второе предостереженіе, и Тихоміровъ скорбно задумывался надъ тѣмъ, что ему, пожалуй, негдѣ будетъ печататься.

К. Зайцевъ.